

УДК 82-94:141.33

В.Ю. ВЕНЕДИКТОВ,

*кандидат исторических наук, доцент
Российского православного университета святого Иоанна Богослова (г. Москва)*

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и теории словесности
Российского православного университета святого Иоанна Богослова (г. Москва)*

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ: МЕЖДУ ЛОГОСОМ И СОФИЕЙ

В статье рассмотрена творческая эволюция известного российского философа и поэта с украинскими корнями Владимира Сергеевича Соловьева. Авторы приходят к выводу, что Соловьев не был в полном смысле ни славянофилом, ни западником, ни консерватором, ни либералом – он был самим собой. Церковно-конфессиональную разделенность Соловьев расценивал как подмену любви к Богу буквой догматических учений, усматривая в догматизме современных ему православных «патриотов-фанатиков» корень жестокостей, несправедливостей, религиозных гонений. Сохранением своей яркой индивидуальности, своей «неумещаемостью» в прокрустово ложе классификаций Вл. Соловьев более всего обязан одной сильной черте своей натуры – высокой нравственности.

Ключевые слова: русская религиозная философия, русский символизм, философская поэзия, эволюция мировоззрения, консерватизм и модернизм, проблема национальной самобытности, православие, католичество.

Меня пророки миру возвестили,
Мужи – ревнители моих державных прав,
Трудами их моя открылась слава,
И всяк достойный в ней получит часть.
С паденьем тех, что в слепоте блуждали,
Везде царят спокойствие и мир

(В.С. Соловьев)

Интерес к биографии и творчеству В.С. Соловьева появился сразу после его кончины. Кем только его не представляли: одни считали за пророка, другие принимали за сумасшедшего. Одному из биографов Соловьева, С.М. Лукьянову, чтобы описать лишь только молодые годы философа, понадобилось провести долгую работу, венчавшуюся тремя книгами.

Учитывая то, что до настоящего времени выпущено бесчисленное количество монографий, статей, защищено множество диссертаций на тему жизни и творчества В.С. Соловьева, опубликованы и неоднократно переизданы сочинения самого философа.

Владимира Сергеевича Соловьева, пожалуй, самого выдающегося и известного русского философа по праву считают родоначальником русского религиозно-философского ренессанса. Оказаться первым у истока новой философии мог лишь человек твердых убеждений и отважной решимости в отстаивании собственного мнения и критике догм признанных авторитетов. Другое дело, кого из авторитетов критиковал В. Соловьев. И что предлагал взамен этим общепризнанным авторитетам философ, для многих явившийся «предтечей горячки религиозных исканий»?

В.С. Соловьев родился 16 января 1853 г. По отцовской линии его предки издревле принадлежали к духовному сословию. Мать Соловьева принадлежала к украинско-польской фамилии юга России. По материнской линии он являлся потомком выдающегося философа XVIII ст. Григория Саввича Сковороды. (1722–1794 гг.). Между прочим, творчество и личность Г.С. Сковороды тоже иной раз отличались интересным и значительным соединением необычно возвышенного образа мыслей, почти прямого платонизма и опять-таки все той же юмористики. Правда, родство с Г.С. Сковородой у Поликсены Владимировны отдаленное. По одной генеалогии он приходится ей двоюродным дедом, а по другой – даже двоюродным прадедом. Но из генетики и жизненных наблюдений мы знаем, что физические и психические особенности человека часто бывают весьма устойчивыми и нередко передаются через несколько поколений. Семья Соловьевых была многочисленной – в ней было девять детей.

В генеалогии же Григория Саввича Сковороды есть весьма примечательный (хотя и полуполюгендарный) эпизод: один из его предков, казачий атаман Сковорода (то есть «быстро ведущий», выделено мною – Е.Н.), совершил разбойничий налет на Крымское ханство (в том числе и на Бахчисарайский дворец) и в качестве приза взял себе царевну, которая стала потом своего рода прима-дамой у казаков. Сама фамилия Сковорода вопреки советской мифологии указывает на ее принадлежность к богатой прослойке украинского казачества. Ведь такое прозвание обычно получали люди, занимавшие привилегированные посты и должности в казачьих войсковых подразделениях, лица, ведавшие картами, схемами, хорошо ориентировавшиеся на местности. Среди представителей этого клана было много именитых персон, а среди родни – и певчие из петербургской придворной капеллы, и настоятели Киевских монастырей.

Если от отца Владимир унаследовали аналитический ум, то от матери – склонность к таинственному, проявившуюся в стремлении постичь и проанализировать непознанное. Мальчик обладал богатым воображением, он жил в придуманном им мире, наделяя окружающие его вещи чертами живых существ, давая им имена и вступая с ними в сложные отношения. Когда ему было девять лет, в московском храме Святой мученицы Татианы во время литургии он увидел нечто таинственное, поразившее его детскую натуру; впоследствии он назовет это происшествие – встречей с Софией:

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман.

В четырнадцать лет, во время обучения в гимназии переживает первый религиозный кризис: теряет веру в Бога. И в пылу воинствующего атеизма Соловьев порой совершал святотатственные поступки: так, однажды вечером, в присутствии пораженных соучеников, он разломал иконы, перед которыми когда-то молился.

Обстановка ранних лет Владимира Соловьева сложилась весьма благоприятно для его последующего духовного развития. Отец Соловьева отличался строгостью нрава, необычайной систематичностью в своих исторических занятиях, в силу чего он почти каждый год издавал по одному тому своей «Истории России с древнейших времен» (1851–1879), и таких томов он издал двадцать девять. В его семье все было подчинено строгим правилам, которые и обеспечивали для С.М. Соловьева его необычайную научную продуктивность в течение всей жизни. Его «История России» современными историками расценивается весьма высоко. В молодости он слушал Ф. Гизо и Ж. Мишле, исторический процесс понимал весьма органически, сделал большой вклад в историю развития русской государственности, был настроен прогрессивно и либерально, имел среди своих учеников таких, как В.О. Ключевский.

Среднее образование Владимир Соловьев получил в московской 5-й гимназии, в которую поступил в 1864 г., а высшее образование – в Московском университете, в который поступил в 1869 г. и окончил в 1873 г. Необычайно одаренная натура Соловьева и его постоянные и, можно сказать, страстные поиски высших истин сказались уже в ранние годы его жизни.

Владимир Соловьев очень рано начал читать славянофилов и крупнейших немецких идеалистов. Однако в последние годы гимназии и первые годы университета Владимир Соловьев зачитывался тогдашними вульгарными материалистами и даже пережил весьма острую материалистическую направленность, заставившую его перестать ходить в церковь, а однажды даже и выкинуть иконы из окна своей комнаты, что вызвало необычайный гнев у его постоянно добродушного отца. Хотя, вообще говоря, Сергей Михайлович Соловьев был настроен достаточно либерально, чтобы насильственно внедрять религию в своих детей. К чтению Владимиром тогдашней вольнодумной литературы он относился вполне спокойно, считая это болезнью роста своего сына. Что же касается значительного либерализма в семье Сергея Михайловича, то об этом достаточно говорит, например, такой факт, как возмущение и отца, и сына по поводу известия в 1864 г. о ссылке Чернышевского на каторгу. 11-летний Владимир Соловьев уже тогда счел это большой несправедливостью в отношении уважаемого писателя и философа. Факт этот ярко свидетельствует о том, насколько ярко и глубоко и насколько давно, почти в детстве, залегали корни соловьевского либерализма, принесшие в дальнейшем весьма значительные плоды.

Вероятно, не без влияния материализма Владимир Соловьев поступил сначала на физико-математический факультет, где преподавались не только математика и физика (их он никогда не любил), но и все естественные науки. Владимир Соловьев увлекался в те годы биологией, а из биологии больше всего – зоологией и ботаникой. Но достаточно было ему только провалиться на каком-то экзамене на II курсе физико-математического факультета, чтобы он тут же перешел на историко-филологический факультет того же университета и с еще большим рвением приступил к изучению чисто философских наук. «...Наука не может быть последнею целью жизни, – пишет он своей кузине Кате Романовой. – Высшая истинная цель жизни другая – нравственная (или религиозная), для которой наука служит одним из средств». Свою жизненную задачу он видит в том, чтобы реформировать христианство, выявить его подлинную, гуманную сущность, облечь в современную форму, сделать всеобщим достоянием.

Итак, семнадцатилетний Соловьев поступает на физико-математический факультет Московского университета. Там на него оказали влияние преимущественно два профессора: П.Д. Юркевич и протоиерей А.М. Иванцов-Платонов.

Юный интеллектуал увлекается, как и прочие студенты, дарвинизмом, но постепенно отходит от позиций, занимаемых большинством студентов, и в 1872 г. полностью отказывается от взглядов, которые он так рьяно проповедовал в течение шести лет. Он занимается религиозной философией и чтением Святых отцов, переходит на историко-филологический факультет. Надо сказать, что отец никогда не стеснял творческую инициативу сына. В 1873 г. Соловьев окончил университет, в это же время в качестве вольнослушателя посещал Московскую духовную академию.

В декабре 1874 г. Соловьев много размышлял о Софии – божественной Премудрости, личностному воплощению божественной первоосновы мира. Премудрость, живущая от вечности в Боге, после грехопадения мировой души (тварного образа нетварной Премудрости) осталась в Боге. Для Соловьева это не просто миф, София для него – предмет чувственно-сверхчувственного мистического опыта. Свою задачу отныне он видит в том, чтобы содействовать восстановлению целостности мира, объединению мировой души с небесной Софией. Это содействие не могло для него ограничиться академической и литературной сферой. Участие в осуществлении Всеединства состоит в подчинении воле Бога, играющей определяющую роль во всех областях частной и общественной жизни. Соловьев называет это «теургическим творчеством» или «христианской политикой».

Стоит отметить, что собственно университетским занятиям Соловьев уделял мало внимания и предпочитал заниматься самообразованием. Не случайным в жизни философа остается факт посещения им лекций в Московской духовной академии. Конечно, поначалу появление Владимира Соловьева вызвало некоторое волнение в академии. В целом, Соловьеву лекции в академии были несравненно полезнее, чем в университете: он обнаружил, что интеллектуальный уровень профессоров и студентов выше, чем в университете, общая атмосфера в меньшей степени отличалась сектантской нетерпимостью и узким догматизмом, чем на физико-математическом факультете. Магистерская диссертация Со-

Соловьев, направленная против позитивизма, написана в стенах академии. Большое влияние на молодого мыслителя оказал профессор В.Д. Кудрявцев-Платонов, к тому часу зрелый философ. Кроме Кудрявцева, Соловьев слушал лекции ректора Академии, профессора протоиерея А.В. Горского, В.Н. Потапова, С.К. Смирнова, архимандрита Михаила (Лузина).

О влиянии академии на мирозерцание Соловьева, можно будет судить лишь только после сопоставления идей Соловьева с позициями тех профессоров, лекции которых он слушал. Важно одно: МДА произвела на Соловьева сильное впечатление и не правы те биографы философа, которые склонны преуменьшать влияние Академии на Соловьева.

Работы таких известных славянофилов, как А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, учебный год, проведенный в стенах МДА позволили молодому мыслителю в двадцать с небольшим лет защитить диссертацию с острой полемической направленностью: «Кризис западной философии (Против позитивистов)». В ней Соловьев пришел к выводу, о том что синтез веры и разума, без достижения которого дальнейший прогресс невозможен, осуществится не в Европе, а на христианском Востоке. Свою работу он заключал провозглашением совпадения и согласия древних «созерцаний Востока» и новейшего «умозрения Запада», он говорил не о философском «оправдании» христианства, но именно о пессимизме.

В «Кризисе западной философии» Соловьев высказывает убеждение, что философия как умозрительная, так и эмпирическая в смысле отвлеченного знания окончила свое развитие; Соловьев старается определить положительные результаты всего развития западной философии. Задачу автор облегчил себе тем, что в «Философии бессознательного» Гартмана видит законный и необходимый результат этого развития, потому критика, главным образом, этой философской системы и дает ему возможность формулировать следующие три положения: 1) в учении о познании западная философия пришла к признанию односторонности, а потому неистинности обоих направлений философского познания, а именно, чисто рационалистического, дающего только возможное познание, и направления чисто эмпирического, не дающего никакого познания; 2) в метафизике развитие западной философии пришло к признанию в качестве абсолютного всеначала вместо прежних абстрактных сущностей и гипостасей конкретного всеединого духа; 3) в этике развитие западной философии пришло к признанию, что последняя цель и высшее благо достигается только совокупностью существ и посредством необходимого и целесообразного хода мирового развития, конец которого есть уничтожение исключительного самоутверждения частных существ в их вещественной розни и восстановление их как царства духов, объемлемых всеобщностью духа абсолютного. Общая точка зрения автора видна в заключительных словах его: «Оказывается, что последние результаты философского развития утверждают в форме рационального познания те самые черты, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениями Востока; таким образом, новейшая философия с логическим совершенством западной формы стремится соединить полноту содержания духовных созерцаний Востока; философия подает руку религии». Точка зрения Соловьева, таким образом, ясно выразилась уже в первом его философском труде; но она была обоснована на историческом материале.

Исследование привлекло к себе внимание общества и получило множество откликов в печати. Официальный оппонент Соловьева – профессор М.И. Владиславлев – дал высокую оценку диссертации, а ученый совет петербургского Университета удостоил Соловьева ученой степени магистра философии. «Любопытно, что известный историк Бестужев-Рюмин заявил после диспута: “Россию можно поздравить с гениальным человеком”» [1, с. 454].

По возвращении в Москву Владимир Сергеевич работал доцентом Московского университета по кафедре философии. Ему предложено читать лекции в Московском университете и преподавать философию на недавно открытых Высших женских курсах. В течение учебного года читает Соловьев лекции, затем уезжает в Англию, в Лондон – для изучения средневековой философии. К багажу знаний философа прибавилось изучение гностиков и каббалы. В Англии Соловьев имел мистический опыт, нетипичный для аскетической традиции Православия. Долгие ожидания чуда оправдались. В читальном зале библиотеки Британского музея он увидел Софию – Вечную Женственность. Событие повлияло сильно на

жизнь философа: отношения его с другими людьми, особенно с женщинами, изменились; философско-религиозная деятельность приобрела новые неожиданные формы.

Эта была та София, что явилась ему в Москве в далеком детстве. На сей раз он услышал голос, приказавший ему немедленно отправиться в Египет (см. его стихотворение «В пустыни я – иди туда за мной»), и он без колебаний откликнулся на призыв. Два дня спустя он покидает Лондон, и в конце ноября 1875 г. страстное желание Соловьева в очередной раз увидеть Софию исполнилось: ему открылась Божественная Премудрость вновь – состоялась третья и последняя из встреч. Он описывает это в стихотворении «Три свидания».

Не веруя обманчивому миру
Под грубою корою вещества,
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества.

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты.

Еще невольник суетному миру
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.

Подруга вечная, тебя не назову я.

Эта последняя встреча с Софией в предрассветной пустыни Египта чуть не стоила Соловьеву жизни: когда он, одетый во все черное, в одиночестве бродил по пескам, на него напали бедуины, решив, что перед ними сам дьявол.

Удивительно, что им сказал философ, как он смог их успокоить, разъяснил, что они ошибаются!? Бедуины позволили Соловьеву удалиться, не причинив ему вреда.

Откровение Соловьева было мистического характера, оно не содержало в себе главного – стимула к нравственному изменению, духовному обновлению (покаянию). В индивидуальных христианских откровениях, в этом и есть их отличие от мистических переживаний, не сообщается каких-либо принципиально новых истин по сравнению с Евангельскими, но дается более глубокое, опытное познание того, что уже дано в Откровении общем.

Мистический опыт – вещь очень личная. Соловьев понимал, что его описание встреч с Софией вызовет многочисленные насмешки. Лишь в своих стихотворениях он раскрывал то, что было скрыто им же самим. Трудно сказать, почему он не поделился своим мистическим опытом, например, с тем же Амвросием, оптинским старцем, про которого он знал и даже почитал.

Через год примерно, осенью 1876 г. Соловьев возвращается в Москву. Где работает лектором в университете. Популярностью в то время Соловьев не пользовался, для студентов его лекции были малопонятны.

В феврале 1877 г. Соловьев отказывается от университетского поста и переезжает в Санкт-Петербург, где занимает скромную должность в Министерстве народного просвещения.

Очевидно, что служба при министерстве была для Соловьева побочным делом. Она обеспечивала его средствами к существованию и ничего больше он от нее не ожидал. За время службы Соловьев был произведен в коллежские советники. Что касается его творческой деятельности, то к этому времени относятся его: «Философские начала цельного знания» (1877), «Чтения о Богочеловечестве» (1878) и «Критика отвлеченных начал» (1877–1880). Кстати было бы отметить, что и свое исследование «Философские начала...» Соловьев в 1877 г. публикует именно в «Журнале министерства народного просвещения». Самым значительным духовным событием этого периода жизни Соловьева было его сближение с Ф.М. Достоевским.

В начале 1878 г. Соловьев задумывает прочесть серию публичных лекций о религии. Лекции начались 26 января, – пишет современник Соловьева, – в Соляном городке в Пе-

Петербурге. Они были большим событием в жизни столицы. Посещали их видные бюрократы, дамы из аристократии, общественные деятели, писатели, студенческая молодежь. Софья Андреевна Толстая и Софья Петровна Хитрово были неизменными слушательницами Соловьева. Посещал его лекции и Достоевский; один раз был сам граф Лев Толстой.

Значение лекций в том, что несмотря на позитивизм и безрелигиозность, царившие в просвещенном русском обществе, вопреки нигилистическим настроениям среди университетского студенчества Соловьев покорял сердца многочисленных слушателей, часть которых под его влиянием снова вернулась к христианству. После лекций в Петербурге он стал знаменитым человеком.

Во время своих лекций Соловьев высказывал те свои мысли и убеждения, которые вошли в его известный цикл – «Чтения о Богочеловечестве». Через два года выходит в свет докторская диссертация Соловьева «Критика отвлеченных начал», отдельные главы которой печатались в «Русском вестнике».

Соловьев получил докторскую степень, но в кафедре философии ему отказано и в Петербургском, и в Московском университетах.

После убийства Александра II (1 марта 1881 г.) Соловьев произнес речь на Высших женских курсах (13 марта), которую закончил решительным осуждением русского революционного движения. 28 марта он прочитал заключительную лекцию цикла, и последние слова ее буквально поразили всех. Обращенные к новому императору Александру III, они содержали в себе страстный призыв простить убийц. В июне 1876 г. Владимир Соловьев приступил к преподаванию в университете, но из-за профессорской склоки в марте 1877 г. покинул Москву и переехал в Петербург.

В начале 1878 г. Соловьев читает цикл публичных лекций по философии религии, которые публикует под названием «Чтения о богочеловечестве». Лекции имели шумный успех, вся образованная столица съезжалась «на Соловьева». В «Чтениях...» Соловьев уже одинаково критически смотрит и на западное, и на восточное христианство, признавая одновременно и заслуги каждой религии. Запад выпестовал идею индивидуальности, воплотившуюся в образе «богочеловека». Восток создал идею «человекобога», олицетворение универсализма. Задача состоит в том, чтобы свести воедино оба христианских принципа. Идея синтеза владеет умом Соловьева, раньше он отстаивал ее в философии, теперь переносит на религиозные дела, которые в скором будущем поглотят его целиком. Но игравший в Петербургском университете основную роль М.И. Владиславлев, который раньше столь положительно оценил магистерскую диссертацию Владимира Соловьева, стал теперь относиться к нему довольно холодно, так что Владимир Соловьев оставался на должности доцента, но не профессора.

В Петербурге он стал членом Ученого комитета при Министерстве народного просвещения и одновременно преподавал в университете, где в 1880 г. защитил докторскую диссертацию в возрасте двадцати семи лет. Диссертация называется «Критика отвлеченных начал».

В 1881 г. Преподавательская деятельность Владимира Соловьева закончилась после прочтения им публичной лекции 28 марта 1881 г., в которой он призывал помиловать убийц Александра II. Поступок Владимира Соловьева был продиктован наивным, искренним и вполне честным его убеждением в необходимости христианского всепрощения. Прочтение этой лекции, текст которой не сохранился, обычно считают причиной ухода Соловьева из университета. Однако ради соблюдения исторической точности необходимо сказать, что в несколько более ранней публичной лекции, от 13 марта того же года, Владимир Соловьев энергично протестовал против всякого революционного насилия. После прочтения лекции от 28 марта петербургский градоначальник хотел сурово наказать Владимира Соловьева.

Министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов написал Александру III докладную записку, в которой указывал на нецелесообразность наказания Соловьева ввиду его всем известной глубокой религиозности и ввиду того, что он сын крупнейшего русского историка, бывшего ректора Московского университета С.М. Соловьева. Александр III счел Владимира Соловьева «чистейшим психопатом», удивляясь, откуда у «милейшего» его отца, С.М. Со-

ловьева, такой сын, которого К.П. Победоносцев именовал «безумным». И дело осталось без серьезных последствий.

Однако сама по себе мартовская речь Соловьева и смерть Достоевского в 1881 г. – два события в жизни философа, за которыми последовал его разрыв со славянофилами и православием. С этого времени начинаются контакты Соловьева с миром Католицизма. Так в творчестве Соловьева начинается новый этап. Он отодвигает (на время) философские изыскания и обращается целиком к проблемам религии. Объединение церквей – православной и католической – такова, по его мнению, насущная задача. Вчерашний славянофил, он убеждает своих соотечественников в благости латинства, а католикам доказывает правоту православия. Он задумывает трехтомный труд в защиту Католицизма, но по разным причинам цензурного и технического характера вместо этих запланированных трех томов вышла в 1886 г. работа «История и будущность теократии», а в 1889 г., уже на французском языке, в Париже, «Россия и вселенская церковь». В связи с этим в области богословия у Владимира Соловьева появилось много врагов и неприятностей, вплоть до запрещения ему печатать труды на церковные темы. Но опять-таки и здесь Соловьев нашел для себя выход. Глубокий ум и широкая натура философа обеспечили ему работу не менее интересную, чем богословие, а именно работу литературно-критическую и эстетическую. Вновь появляться перед публикой в качестве лектора Соловьев после долгого перерыва стал только в конце 1890-х гг. С сентября 1891 г. он состоял редактором философского отдела в настоящем Словаре. Исключительно отдавшись науке и литературе, он жил то в Москве, то в Петербурге, то в имениях своих друзей (в последнее время все чаще в Пустыньке близ Петербурга), то в Финляндии на Иматре, то за границей. В Хорватии он завязал тесные дружеские отношения с известным славянским епископом Штросмайером, каноником Рачки и другими. Вещи и книги его, по словам близко знавшего его лица, «обыкновенно находились в разных местах; иногда в холодную осень он выезжал в летней разлетайке, потому что зимнее платье было им где-нибудь оставлено или забыто. Пренебрежение к физической стороне существования, житейским благам (насколько они касались его лично) сказывалось во всем строе или, вернее, нестройстве его жизни: он иногда проводил целые месяцы в совершенном одиночестве, обходясь без чьих бы то ни было услуг, сам таскал дрова и топил печку, ставил себе самовар». Впрочем, в последние годы своей жизни и особенно с 1895 г., он возвращается к философии.

Человеком, имевшим влияние на Соловьева в 1880-е годы, оказался Н.Ф. Федоров, автор «Философии общего дела», такой же одинокий и непонятый мыслитель, каким был и Соловьев. Положительное влияние на Соловьева в это время смог оказать К.Н. Леонтьев, отличавшийся от него своим душевным складом и ощущением жизни. Странной кажется дружба Соловьева с А.А. Фетом. Дружба эта была особенная. Фет был прямым антиподом Соловьева по характеру и убеждениям. Его сознательная и упорная враждебность христианству, свирепое и мрачное реакционерство, его ненависть ко всему «разумному и полезному» и отвращение к общественной деятельности приводили Соловьева в уныние.

В мае 1883 г. Соловьев тяжело заболел и был близок к смерти. К добавилась и новая скорбь: его любовь к Софии Хитрово достигла высшего напряжения. Он надеялся, что Хитрово станет его женой, но получилось не так: получив письмо от неё, Соловьев узнает, что его возлюбленная вышла замуж. Отныне начинается его одиночество.

После выздоровления выходит в свет работа «Духовные основы жизни» (1882–1884). Книга делится на две части: первая посвящена личной религиозной жизни, вторая – «общественной религии». Первая часть больше соответствует названию книги. «Поучение» Соловьева сводится к трем правилам: Молись с верой, делай добро людям с любовью и побеждай свою природу в надежде будущего воскресения.

В это время (1881–1891 гг.) Соловьев проявляет интерес к проблеме воссоединения церквей: Западной и Восточной. Большинство его работ, написанных в течение этого десятилетия, посвящены экуменизму.

Философ много сил и энергии отдал в 1880-е гг. на построение своей теократической доктрины. Многочисленные работы не принесли ощутимых результатов. Во Франции, где Соловьев и опубликовал эти работы, его мало читали, а его брошюра «Idee russe» так и осталась нераскупленной в книжном складе. Подорвав свои физические силы всякого рода

разочарованиями и неудобствами, Соловьев погружается в сомнения. Владимир Сергеевич начинает свое последнее пятое десятилетие с тяжелыми думами, десятилетие, когда, по словам Зеньковского, его мироощущение «приобретает пессимистический элемент» [1, с. 456].

В последние годы жизни Соловьев знакомится, сближается с будущим обер-прокурором Св. Синода, князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским, в те времена большим почитателем таланта и воззрений Вл. Соловьева. В те же 1890-е годы близкими друзьями Вл. Соловьева становятся князья Сергей и Евгений Николаевичи Трубецкие. Дружба эта была не только самая близкая, но и вполне сердечная. Тем не менее по своему мировоззрению братья Трубецкие отличались от Вл. Соловьева либерализмом, выше всего ставили историческую критику, проводимую тюбингенской школой, и равнодушно относились к Софии и к его римским мечтаниям. Кроме того, князья Трубецкие в области христианского мировоззрения настроены рационалистически, а Вл. Соловьев продолжал относить рационализм к области «отвлеченных начал». К середине и к концу 1890-х годов относится полемика Вл. Соловьева с В.В. Розановым, Л.М. Лопатиным, его расхождения с Л.Н. Толстым, его острая полемика вокруг Пушкина.

Из других событий последних лет жизни В.С. Соловьева следует выделить происшествие 18 февраля 1896 г., когда Соловьев в день памяти св. Льва Великого принял причастие из рук католического священника греческого обряда о. Николая Толстого, при этом прочитал Тридентский Символ веры и формально присоединился к католической церкви, но при этом, вопреки истерическим заявлениям современных пиар-богословов типа известного еретика-монофизита и по совместительству «профессора» современной Московской Духовной академии (МДА) А.И. Осипова, он не отрекся от веры отцов, от русского и византийского православия. Философ стал «би- традиционалистом», членом сразу двух ведущих христианских конфессий. После причащения у отца Толстого Соловьев ни разу не приступал к таинству до самой смерти, когда, во время болезни в Узком, позвал православного священника. В 1897 г. заболевший Соловьев попросил своего друга, профессора протоирея А. Иванцова-Платонова, исповедовать его и причастить. Иванцов-Платонов выслушал исповедь, но в причастии отказал, вследствие нарушения Соловьевым церковной дисциплины.

В 1897 г. Соловьев опять возвращается к философии. Выходит в свет его фундаментальный труд «Оправдание добра» (1897). В предисловии автор отвергает три концепции: культ силы и красоты (ницшеанство), моральный аморфизм (толстовство) и внешний авторитет (положительную религию). Нравственный смысл жизни человека, – заключает он, – состоит в служении добру, но это служение должно быть добровольным, то есть пройти через человеческое сознание.

В 1898 г. Соловьев едет в Египет, чтобы вновь увидеть ту пустыню, где некогда явилась ему София. Вернувшись из путешествия, Соловьев проводит лето в Пустыньке, пишет поэму «Три свидания». Весною 1899 г. Соловьев в последний раз за границей империи, на французской Ривьере в Канне; там он пишет «Три разговора», которые заканчивает в Петербурге в 1900 г., «Повесть об антихристе».

Владимир Соловьев был «бездомный» человек, без семьи, без определенных занятий. Человек он был экспансивный, восторженный, порывистый и живал большей частью в имениях своих друзей или за границей. Работал он неумоимо, проводя за письменным столом иногда по несколько ночей сряду, не переставая трудиться даже во время физических страданий, не предпринимая правильного лечения. Все это постепенно подрывало его организм, никогда не отличавшийся крепостью: врачи, лечившие его во время последней его болезни, нашли у него несколько тяжелых недугов. К концу 1890-х годов здоровье его стало заметно ухудшаться, он стал чувствовать неимоверную физическую слабость. Будучи в Москве летом 1900 г., он принужден был в июле приехать в подмосковное имение Узкое, принадлежавшее тогда кн. Петру Николаевичу Трубецкому, в котором жили также друзья Владимир Соловьева, известные московские профессора Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие. Последнее лето философ проводит в Пустыньке. 14 июля он приезжает в Москву и внезапно заболевает. На следующий день он отправляется в имение кн. П.Н. Трубецкого Узкое, где окончательно теряет силы.

Тогда друг Соловьева, князь С.Н. Трубецкой отправляет к местному священнику слугу с просьбой отслужить на другой литургии и после нее прийти причастить обеденными Дарами (личное желание Влад. Серг.) приехавшего из Москвы больного барина.

После исповеди и причастия у **православного священника** 18 июля силы философа стали быстро убывать. Он много молился. «Молился он в сознании, и в полузабытьи. Раз он сказал: «Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться», – и стал громко читать псалом по-еврейски» [2, с. 210]. Вечером 31 июля Соловьев тихо скончался, пребывая в ясном сознании. «Врачи, окружавшие его перед смертью, – пишет Трубецкой, – удивлялись не тому, что он умирает, а тому, что он мог жить, и притом жить столь напряженной духовной и умственной жизнью, при такой степени физического упадка... Какие пилюли могут спасти человека, у которого атрофирован самый жизненный инстинкт, присущее всем смертным стремление к самосохранению» [2, с. 175–176].

Кончина Владимир Соловьева произошла в этом имени Трубецких 31 июля 1900 г. вследствие артериосклероза, болезни почек и общего истощения организма

Похоронили его рядом с могилой отца, Сергея Михайловича, в московском Новодевичьем монастыре.

Анализируя путь философа, важно отметить, что детские годы Соловьева прошли с мистическим опытом: встречей с Софией в 9 лет. В 16 лет он знакомится с учением Спинозы, возвращается к вере, но уже заимствует некоторые пантеистические идеи философа, например, переживание духовного всеединства мира; от Спинозы же идет и гносеологическая трихотомия у Соловьева (три вида познания – эмпирическое, рациональное и мистическое).

Следующим по значению и глубине было влияние Канта, а также Шопенгауэра. От сильного влияния Шопенгауэра до конца Соловьев так никогда и не освободился. После Шопенгауэра Соловьев изучал наследия Иоганна-Готлиба Фихте, Гартмана, Канта, Шеллинга. От Гегеля Соловьев научился формальному диалектическому методу и его рационализму, а от Шопенгауэра он очень зависим в первых его работах по этике, равно как и в общей эсхатологической установке.

На воззрения молодого Соловьева оказала влияние и русская философия: в первую очередь, труды славянофилов, в частности Хомякова и Киреевского. В дальнейшем знакомство и общение с Достоевским удерживало Соловьева на славянофильских позициях.

Наиболее продуктивный период жизни Соловьева это 1881–1891 гг. В 1891 г. умирает Достоевский. Смерть друга и растущий интерес к римско-католической традиции отдалили Соловьева от славянофильства, он окончательно разрывает с ним. Вместо Достоевского у него появляется новый друг, епископ Штроссмайер. В этот период Соловьев уходит в церковно-общественную работу им овладевает теократическая доктрина.

Соловьев защищает римский примат. В общественных вопросах симпатизирует польскому национально-освободительному движению.

Экуменические идеи Соловьева уходят на второй план, вместо них мироощущение философа приобретает пессимистический характер. В творчестве же Соловьев обращает внимание на конечные судьбы мира (эсхатология). Наверное, такой переход был связан с тем, что он чувствовал и свою близкую кончину. Последние его работы: «Оправдание добра» (1897 г.), статьи по «теоретической философии» (1897–1899), эсхатологический этюд «Три разговора» и связанная с ним «Повесть об Антихристе» (1900).

Биограф философа, князь Евгений Трубецкой, насчитывает три периода в жизни Соловьева (1-й – подготовительный, 2-й – утопический, 3-й связан с крушением идеи теократии); другой биограф – Стремоухов насчитывает четыре периода (прибавляя к периоду крушения теократической утопии период апокалиптический).

Полностью согласившись с такой периодизацией философского возрастания Соловьева, добавим лишь следующее, что каждый из этих периодов жизни носит на себе печать личных мистических переживаний философа. С одной стороны, Соловьев был противником богоборческих идей Льва Толстого, решительно выступал против теософии Е.П. Блаватской, с другой же стороны, был сам одержим идеями теософского характера: идеей религии Св. Духа, развивал идею о Софии – Премудрости Божией.

Бердяев в «Русской идее», пишет: «Вл. Соловьев, говоря о Христе, обычно говорил, как будто бы, о Логосе неоплатонизма, а не об Иисусе из Назарета» [3, с. 170]. Второе замечание на этот счет находим у Флоровского. Описав увлечения Соловьевым философией Шеллинга, Гартмана, Шопенгауэра и Гегеля, Флоровский заключает: «В том и было основное и роковое противоречие Соловьева, что он пытается строить церковный синтез из этого не-церковного опыта» [4, с. 316].

О личных отношениях Владимира Соловьева ко Спасителю судить сложно, эта тайна его души, его духовной жизни нам неведома. Однако, большое значение Соловьева в том, что он сумел посредством своей философии удалить часть русского общества от безбожного духа нигилизма и обратиться к религии.

Приведенные высказывания русских философов очень существенны при раскрытии настоящей темы. Соловьев был человеком с религиозным чувством, мистиком в определенном смысле этого слова, но традиционно – церковным человеком не был. Восприятие же Соловьевым католицизма и его отношение к римской Церкви неоднократно изменялись, как и воззрения на православную Церковь.

Еще в свои молодые годы, во время обучения в Московской духовной академии, Соловьев высказывал идеи о том, что монашество некогда имело свое высокое значение, но теперь пришло время не бегать от мира, а идти в мир, чтобы его преобразовывать. Хотя сам на протяжении своей жизни Соловьев именно и стремился к идеалу монаха.

После смерти Достоевского (1881 г.), писателя, известного своей полоно-и-католикофобией, человека, оказавшего значительное влияние на мыслителя, и убийства императора Александра II, последовавшего в тот же год, Соловьев обращается к раздумьям о христианских конфессиях и иначе оценивает их. В соответствии со своей идеей свободной теократии философ видел задачу церкви в том, чтобы сохранить свободу в отношениях с государством и тогда, когда это нужно, конкретно напоминать государству о его религиозных и нравственных обязанностях. Русская Церковь этого не сделала. Безмолвное подчинение ее светским властям помешало ей выполнить свою социальную и пророческую миссию: католическая церковь во время Соловьева, при папах Пие IX и Льве XIII, являла собой пример энергичного и негибкого сопротивления внешне обессилению церкви требованиям государства (особенно в Италии и Германии). Тем самым Соловьев достиг позиции внутреннего признания и одобрения римского принципа, который до сих пор он отклонял и осуждал.

Возникает вопрос: с какого русского императора наша православная Церковь стала подчиняться светским властям, утрачивая при этом свою социальную и пророческую миссию? По догадке мыслителя, с Петра Великого, с образования Священного Синода и упразднения патриаршества Русская Православная Церковь начинает подчиняться светским властям и теряет не то чтобы свою миссию, но, и еще важнее, свою независимость. Соловьев это прекрасно знал и понимал. Тем не менее он дает следующую оценку реформам Петра Великого: «Вопреки всякой видимости реформа Петра Великого имела, в сущности, глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения» [5, с. 430]. Напомним, что Флоровский называл реформацию Петра не иначе как «вавилонским пленением» Русской Церкви.

На пути к свободной теократии, по мнению Соловьева, первым шагом должно стать объединение восточно-православной и римско-католической Церквей. При этом Россия не теряет своей миссионерской роли: русский народ оставался имперским народом теократической империи будущего, которую можно было назвать «Священная римская империя русской нации». Русский император как носитель светской власти должен был сначала преклонить колена перед носителем священнической власти, наследником апостола Петра. Так и осуществится свободная теократия, история обретет свою цель. Соловьев первым признает себя, члена греко-российской православной Церкви, последователем апостола Петра как средоточия единства Церкви и в пламенных выражениях, обращенных к Востоку и Западу, к римскому папе и русскому народу одновременно, призывает все христианство осуществить универсальную теократию: «Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не через посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей».

лей своих, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признали таковым святой Ириной, святой Дионисий Великий, святой Афанасий Великий, святой Иоанн Златоуст, святой Кирилл, святой Флавиан, блаженный Феодорит, святой Максим Исповедник, святой Феодор Студит, святой Игнатий и т. д., – а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках и не напрасно слышавшего слова Господа: «Ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою. – Утверди братьев твоих. – Паси овец Моих, паси агнцев моих» [6, с. 201].

Такое признание Соловьева в работе «La Russie et L’Eglise Universelle» (1889). Примерно в это же время вышла в свет его работа под названием: «Владимир Святой и христианское государство». Вывод этой работы по большому счету сводится к тому, что вместо Церкви воинствующей, на Востоке была лишь Церковь дезертирующая. Надо сказать, что к подобным оскорблениям в адрес греко-российской Церкви, Соловьев прибежал не раз.

В письме к В.Л. Величко, за пять лет до своей смерти, Соловьев пишет: «...пока Ваша привязанность к греко-российской синагоге есть только внешний факт, происшедший не по Вашей воле, Вы ни за что не отвечаете <...> Теперь, например, я прожил у Вас несколько недель Великого поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили, и ничего в этом дурного не было, так как все это не для нас писано, и всякий это понимает...» [7, с. 224].

Взгляд Соловьева на католическую Церковь оставался до самого конца жизни таким, как он его выразил в приведенном письме. Он признавал значение папства как заложенного Христом «камня» (Мф., 16, 18) Церкви, но не видел в католической Церкви, как, впрочем, и в православной, и в протестантской Церквях Церкви универсальной. Поэтому и исповедовал собственную какую-то религию, которая была выше и шире, чем все отдельные конфессии.

Не пройди он мимо ценностей православия и такого удивительного явления как старчество (хотя он бывал у преподобных Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского), тогда, вполне возможно, иначе бы сложились взгляды Владимира Сергеевича на христианство в целом.

Размышляя о христианстве, Владимир Сергеевич не мог не рассмотреть проблемы иудаизма, относительно которого он имел свои суждения. Как широко известно, в Иерусалиме известен многим мемориал «Яд-Вашем» – музей «катастрофы европейского еврейства». Перед зданием самого музея расположена «аллея праведников мира» или «праведников среди народов» (Avenue of the Righteous Among the Nations). Аллея усажена деревьями, каждое из которых посвящено одному из так называемых «праведников мира», т. е. тех людей, которые, не являясь евреями, послужили во благо еврейской нации. Среди деревьев находится одно в честь В.С. Соловьева. Чем заслужил В.С. Соловьев такое почитание к себе в Израиле?

В период отхода от славянофильства (1881–1891 гг.) Соловьев, исследуя проблему воссоединения церквей (католической и православной), уделял также много времени и сил изучению иудаизма. Вспомним еще, как в молодом возрасте, в Англии Соловьев изучал каббалу. Теперь он выучил древнееврейский язык, изучил талмуд, завязал связи с российскими евреями, выпустил в свет несколько статей по проблемам еврейства.

В 1891 г. Соловьев задумывает статью об иудействе и знакомится с «талмудским юношей» Файвелем Бенцеловичем Гецем, который снабжает его книгами по еврейскому вопросу. Дружба Соловьева с Гецем продолжается до самой смерти философа. Самая ранняя и самая замечательная статья Соловьева о еврействе была им написана в 1884 г. – «Еврейство и христианский вопрос». Еврейству и его истории посвящен ряд других статей Соловьева: «Новозаветный Израиль» (1885), «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии» (1886), «Евреи, их вероучение и нравоучение» (1891), «Когда жили еврейские пророки?» (1896).

«Еврейский вопрос есть вопрос христианский», – вот главный тезис Соловьева, заявленный им в первой статье по данной тематике. Владимир Соловьев считал, что иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански. Философ признает только религиозное разрешение еврейского вопроса. «Мы потому отделены от иудеев, что мы еще не вполне христиане, и они потому отделяются от нас, что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства

обнимает собою и иудейство, и полнота иудейства есть христианство» [8, с. 210]. Чтобы понять евреев, нужно ответить, по мнению автора, на три вопроса:

1. Почему Христос был иудеем, почему краеугольный камень вселенской церкви взят в доме Израилевом?

2. Почему большая часть Израиля не признала своего Мессию, почему церковь ветхозаветная не растворилась в церкви новозаветной, почему большинство евреев предпочитает быть вовсе без храма, нежели войти в храм христианский?

3. Зачем, наконец, и ради чего наиболее крепкие (в религиозном отношении) части еврейства вдвинуты в Россию и Польшу, поставлены на рубеже греко-славянского и латино-славянского мира?

Если отбросить первый вопрос, ответы на них вполне раскрывают национальный характер евреев.

Особую черту евреев – их крайний материализм, Соловьев оправдывает: «Беда не в евреях и не в деньгах, а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями. Не евреи поставили целью всей экономической деятельности – наживу и обогащение, не евреи отделили экономическую область от религиозно-нравственной. Просвещенная Европа установила в социальной экономике безбожные и бесчеловеческие принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам».

Чуть позже в статье «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии» Соловьев, как бы говоря со стороны иудеев, оправдывает ростовщичество евреев следующим образом: «Если бы христианское общество, среди которого мы (т. е. – евреи – авт.) живем, не ставило денег выше всего, то и нам не было бы причины заниматься денежным делом. Денежное жидовство есть продукт вашей (т. е. – христианской – авт.) цивилизации: когда мы были самостоятельны, мы славились религией, а не деньгами, храмом, а не биржей» [8, с. 102].

Интересно, какой период истории евреев можно отнести к самостоятельному периоду? История древнего Израиля от его истоков и до разрушения Иерусалима и древнего Иерусалимского храма в 70 г. н. э., когда евреи, по мнению Соловьева, были самостоятельны, складывалась для последних весьма плачевно. Достаточно вспомнить и про египетское пленение евреев, и про вавилонское, персидское, греческое, римское правления в истории Израиля, длившиеся долго, при которых о какой-либо самостоятельности (независимости) евреев говорить не приходится. Было бы банальным, наверное, приводить примеры обличения Израиля, которыми изобилует Ветхий Завет. Так, в книге Исход, евреи часто обличаются Богом за их «жестоковейность» (Исх., 33, 3): «Вы людие жестоковейнии, блюдитесь, да не язву другую наведу на вы и потреблю вы (Исх., 33, 5)». Стоит ли припоминать известный всем ветхозаветный эпизод о поклонении Израиля литому тельцу с печальным итогом для евреев: «И порази Господь люди за сотворение телца, егоже сотвори Аарон» (Исх., 32, 35).

Изучив талмуд, Соловьев делает такой вывод об этой книге: «Талмуд есть то, что закрепляет еврейство в его обособлении; он есть твердыня, ограждающая и отделяющая евреев от остального человечества, т. е. прежде всего, от христианского мира, с которым история связала их теснейшим образом. Талмудическое иудейство содержит в себе практический религиозно-национальный закон жизни. Талмуд несколько не мешал евреям пользоваться всеми благами современной цивилизации и даже деятельно участвовать в производстве этих благ» [8, с. 99].

Соловьев, полемизируя с христианами, от лица евреев высказывает несколько суждений: «Но что взяли из христианства для своей жизни, – задается вопросом Соловьев, – сами христианские народы? Я не говорю о святых и праведниках: они существуют в христианстве и вне его как редкое исключение, но христианство и не гоняется за невозможную цель – исправить всех людей, оно не ограничивается проповедью личной морали, оно принимает форму коллективного целого, является как церковь, – и далее. Церковь существует не для того, чтобы произвести только святого человека или производить святых людей по одиночке, а для того, чтобы устроить по-Божьи социальную жизнь, чтобы общественная правда и личная праведность могли взаимно поддерживать и питать друг друга» [9, с. 101].

Как раз христианство, говоря языком Соловьева, то и делает, что гоняется за целью – «исправить всех людей по одиночке». Именно по одиночке спасать людей призвана Церковь Христова, а вовсе не для того, чтобы устроить какую-то «божью» социальную жизнь. Каждый верующий человек, член Церкви, принял дар благодати крещения, и дал при этом «обещание Богу доброй совести» (1 Пет. 3, 21), дал лично, за себя самого, а не за абстрактное «коллективное целое». Особо ярко значение спасения по одиночке в Церкви подчеркивают монахи, своими обетами последовавшие Христу с целью достижения идеала христианской святости. Спасение по одиночке, как раз и является особенностью людей церковных от людей, живущих «по стихиям мира сего, а не по Христу» (Кол. 2, 8), для которых вопрос о личном спасении просто не существует.

Замечательно и то, что свою статью Соловьев заканчивает мыслью о том, что беда для христиан, не в излишнем «...действии Талмуда, а в недостаточном действии Евангелия. От нас самих, а не от евреев, зависит желанное решение еврейского вопроса. Заставить евреев отказаться от законов Талмуда мы не можем, но применить к самому еврейству евангельские заповеди всегда в нашей власти. Одно из двух: или евреи не враги нам, тогда и еврейского вопроса вовсе не существует, или же они наши враги, и в таком случае относиться к ним в духе любви и мира – вот единственное христианское разрешение еврейского вопроса» [9, с.104]. Талмуд – есть книга богоборческая. Исповедующие талмуд иудеи – есть истинные враги христиан.

Исторически сложилось, что видя в христианах «присвоителей» тех обетований Божиих, которые еврейство связывало исключительно с собой, и упразднителей еврейской богоизбранности, иудаизм повел борьбу с христианством как со своим экзистенциальным врагом. Из Ветхого завета еврейские религиозные вожди выковали Талмуд – сознательно антихристианскую идеологию, вычистив из своих священных книг все исполнившиеся предсказания пророков о Христе. И разрешения еврейского вопроса для христиан не может быть в принципе; может последовать разрешение христианского вопроса для евреев, когда они перестанут бороться с Богом и христианами.

Заканчивая небольшой разбор проиудейских симпатий Соловьева, используем одну его идею, которая нам представляется актуальной и сегодня. Иудеи живут не нашей нравственной силой, а нашей нравственной, или лучше безнравственной, слабостью. Другими словами: сила евреев в слабости христиан.

Последнее произведение Вл. Соловьева, написанное в то время, когда философа одолевало предчувствие близкой смерти, является как бы итогом его многолетних историософских раздумий. Эта книга Соловьева («Три разговора») о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями, где философ затрагивает самую актуальную во все времена тему – тему апокалипсиса.

В повести об антихристе Соловьев представляет нам как, с его точки зрения, будет выглядеть мир во времена пришествия антихриста. Здесь философ размышляет над тем, какова будет структура общества в последнее время, какая участь ожидает церковь и т. п.

На фоне политического, экономического и духовного раздробления мира появляется образ антихриста – сверхчеловека, великого спиритуалиста, аскета и филантропа. Соловьевский антихрист быстро приобретает поклонников. Дешевые издания с портретами автора будут расходиться в миллионных экземпляров и весь культурный мир, – а в то время это будет почти значить то же, что весь земной шар, – наполнится славою несравненного, великого, единственного. Правда, некоторые благочестивые люди, горячо восхваляя эту книгу, станут задавать только вопрос, почему в ней ни разу не упомянуто о Христе.

После появления «Открытого пути», который сделал своего автора самым популярным из всех людей, когда-либо появлявшихся на свете, должно было происходить в Берлине международное учредительное собрание союза европейских государств. На собрании учреждается единоличная власть с достаточными полномочиями и сверхчеловек выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских Соединенных Штатов.

За годы его правления народы Земли, облагодетельствованные своим владыкой, коме всеобщего мира, кроме всеобщей сытости получают еще возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и невиданными чудесами и знаменами. Вся история с разоблачением начинается после третьего года царствования «супермена», когда

поднялся вопрос религиозный, который возбудил сам император, и прежде всего по отношению к христианству.

Интересно и вероятно то, как описывает Соловьев положение христиан к тому времени. Конечно, в христианской среде произошли большие изменения, обновления, но эта обновленная церковь, не возрастая числом, стала расти в силе духа, которую она особенно показала в своей внутренней борьбе с размножившимися в народе и обществе крайними сектами, не чуждыми демонического и сатанического элемента.

Именно в третий год царствования антихриста у многих православных, католиков и протестантов стали возникать серьезные опасения и антипатии. Евангельские и апостольские тексты, говорившие о князе века сего и об антихристе, стали читаться внимательнее и оживленно комментироваться. По некоторым признакам император догадался о собирающейся грозе и решил скорее выяснить дело. В начале четвертого года царствования он издает манифест ко всем своим верным христианам без различия исповедания, приглашая их избрать или назначить полномочных представителей на вселенский собор под его председательством.

В этой обстановке три силы (православная, католическая, протестантская) сближаются друг с другом для того, чтобы оказать сопротивление антихристу. Между членами собора выделяются трое: глава католической церкви, папа Петр II, неофициальный вождь православных старец Иоанн, весьма известный среди русского народа, и немец теолог, профессор Эрнст Паули. На антихристовом соборе (последнем вселенском соборе) происходит единение между собою кучки людей, жавшихся около старца Иоанна, папы Петра и профессора Паули.

Кульминация собора, когда предстоятель восточного христианства, старец Иоанн обращается к императору (антихристу) со словами: «исповедай здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего, – исповедай Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия».

С императором после этих слов делается что-то недоброе, он теряет внутреннее равновесие, лицо его багровеет от злости, из глаз вылетают искры. В храме вспыхивает огромная молния, и старец Иоанн лежит мертвый. После чего голос берет папа Петр II и предаёт антихриста анафеме, за что также лишается жизни от императора, которому путем манипуляций удается сделать искусственную молнию. Затем профессор Паули громогласно прочитывает обращение к собору с призывом удалившись в пустыню, ожидать неминуемого пришествия Иисуса Христа.

Вечером четвертого дня, когда стемнело, профессор Паули с девятью товарищами приходят к месту, где лежали тела папы Петра и старца Иоанна, выброшенные слугами императора на мостовую. Лишь только эти тела опускают на носилки, как дух жизни входит в умерших. «И заговорил оживший старец Иоанн: «Ну вот, детушки, мы не и не расстались. И вот что я скажу вам теперь: пора исполнить последнюю молитву Христову об учениках Его, чтобы они были едино, как Он сам с Отцом – едино. Так для этого единства Христова почтим, детушки, возлюбленного брата нашего Петра. Пускай напоследях пасет овец Христовых... Тут подошел профессор Паули: “Tu es Petrus!” – обратился он к папе... И он крепко сжал его руку своею правою, а левую подал старцу Иоанну... Так совершилось соединение церковей темной ночи на высоком и уединенном месте» [10, с. 418–419].

Заканчивается повесть тем, что восставшие евреи овладевают Иерусалимом и запирают антихриста в Харам-эш-Шерифе. С помощью магии антихристу удается выйти из оков. Последнее сражение происходит возле Мертвого моря, где расположились имперские войска. Открытый кратер огромного вулкана и огненные потоки, вызванные неожиданным землетрясением, поглощают императора (антихриста) и его бесчисленные полки. Евреи бегут к Иерусалиму, взывая о спасении к Богу Израилеву, видят Христа. В то же время от Синая к Сиону движется толпа христиан, предводимых Петром, Иоанном и Павлом и другие восторженные толпы: «то были все казненные антихристом евреи и христиане. Они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет».

Повесть прочитывается на одном дыхании. Чувствуется литературный талант Соловьева, он великолепный стилист. Но как богослов здесь он допускает ошибки.

Согласно христианской эсхатологии, антихрист не просто будет править, но вместе с тем будет осуществлять мощную вербовку, формально выраженную в принятии печати антихриста, т. е. начертании на правой руке, а также на челе. Без этого начертания или имени зверя, или числа имени его никому нельзя будет ни покупать, ни продавать (Апк., 13, 16–17). Момент принятия печати упускается Соловьевым в «Краткой повести об антихристе».

Завершая наш обзор творчества и поисков Владимира Сергеевича Соловьева, нам хотелось бы отметить, что у людей разные взгляды на мир, на жизнь, разные склонности и особенности в постижении сути вещей, сущности мироздания, в оценке творчества. Но если сконцентрировать взгляд на непреходящем, то видение этих объектов мысли становится унифокальным, одноточечным. Если выделить это непреходящее в мыслительном материале оставленном нам в наследство Владимиром Соловьевым, то нельзя не заметить любому и каждому, что это наследие есть концентрат нравственности, духовности, гуманизма, терпимости в вопросе взаимоотношения наций, народов, что это мощный пласт культуры, который облагораживает нас, пробуждает совесть, воодушевляет на активное созидательное творчество, благородное стремление к единению человечества, порождает возвышенное ощущение близости человека к Богу-Творцу, вселяет благу надежду.

Наследие Владимира Соловьева, как мы убедились, имеет непреходящую значимость. Несмотря на некоторую долю утопизма, оно в какой-то мере может быть использовано в практике совершенствования общественных отношений. Что касается его мировоззренческих устоев, то следует иметь в виду, что, хотя в современной России и происходит возрастание роли церковной идеологии в филетическом духе (т. е. в обожествлении национального начала) и имеет место возрождение идеи православия и «соборности» русского народа, подчас не исключая даже и идею монархизма, довольно значительные слои российского общества, в силу укоренившейся на протяжении семидесяти с лишним лет традиции, сохраняют, по существу, атеистические взгляды.

Но значимость наследия Соловьева, в конечном счете – не в мировоззренческих устоях его мысли, а в той силе нравственности, гуманизма, духовности, которая лежит в основе его конструктивной концепции исцеления от язв шовинизма и национализма – одного из тяжких недугов, чреватых всесторонним разрушением общественного организма. При этом следует подчеркнуть, что, разрабатывая свою концепцию преодоления национального эгоизма, Соловьев делал упор не на социально-экономические проблемы, а на проблемы нравственного плана, на практику нравственного совершенствования как отдельного человека, так и общества в целом.

Религиозно-нравственные убеждения Вл. Соловьева сохраняют свою актуальность. Это обусловлено многими причинами, в частности, тем, что в современной России обрел определенную значимость вопрос соотношения церкви, нации и государства, вопрос, в котором подчас наблюдаются клерикалистские притязания некоторых политических лидеров на эксплуатацию религиозных чувств, использование в политических целях «русской идеи».

Владимир Соловьев – олицетворение интеллигентности высшего порядка. Это уникальнейшая личность, ярко индивидуальная и не поддающаяся какой-либо социально-психологической классификации по тем или иным типологическим признакам. Примыкая поначалу к славянофилам, Соловьев впоследствии значительно отделился от них и был окрещен ими изменником, когда их направление стало смыкаться с политической реакцией; отнюдь не разделяя оппозиционных настроений в области политики, Соловьев в то же самое время слыл в среде консерваторов вредным либералом, ибо он, например, встал на публичную защиту народолюбцев, убивших царя Александра Второго; будучи философом религиозного направления, он отнюдь не внушал доверия церкви, которая считала его перебегчиком из православия в католицизм.

Соловьев, несомненно, был мудрым апологетом христианства и считал, что только на почве христианства возможно духовное возрождение человечества, вывод масс из грубого невежества, а также предотвращение духовного опустошения высших классов и смирение грубого насилия, осуществляемого государством. Но при этом он придерживался того взгляда, что в связи с прогрессом науки и философии христианство, пребывающее в своей ложной форме, претерпело разрушение, и необходимо восстановить «истинное» хри-

стианство, ввести его содержание в новую, разумную форму. Одним из важных условий этого Соловьев считал единение восточных и западных церквей. Он говорил, что христианство, разрозненное на секты православия, католицизма и протестантизма, в отличие от созданного им, Соловьевым, идеала вселенского христианства, не способно на высшую нравственность и является препятствием на пути к духовному возрождению человечества.

Церковно-конфессиональную разделенность Соловьев расценивал как подмену любви к Богу буквой догматических учений, усматривая в догматизме современных ему православных «патриотов-фанатиков» корень жестокостей, несправедливостей, религиозных гонений.

Соловьев подверг весьма нелицеприятной критике русскую православную церковь, имея в виду не те или иные ошибки иерархии, а деятельность церкви на протяжении всей истории ее существования. В характеристике Вл. Соловьева русская православная церковь предстала перед читателями его трудов как наиболее консервативная и отсталая среди христианских церквей. Он гневно обвиняет ее в уклонении от своего призвания – «духовного пастырства, в отрыве от народа, в утрате нравственного авторитета, в особенности среди образованной части общества». Русская церковь, по мнению Вл. Соловьева, вообще не причастна к общественному прогрессу последних столетий. Провозгласив церковную власть для самой себя принципом и целью, иерархия ни разу не отказалась от насилия, реагируя всякий раз на несогласие народа с собой кострами и плахами.

Трудно представить себе более убийственную аттестацию государственной церкви России, вышедшую к тому же из-под пера православного философа. Неудивительно, что вскоре Вл. Соловьеву было запрещено печатать труды по религиозно-церковному вопросу.

Соловьев резко осуждал всякую попытку оправдания эгоизма, противопоставления себя другим, в какой бы сфере он ни проявлялся – национальной, профессиональной или еще какой-либо.

Национализм он критиковал за его притворное служение народным интересам, а религиозный догматизм – за его утверждение, будто бы только одна из существующих вер может привести к спасению. По его мнению, необоснованная подозрительность по отношению к молитвам христиан-иноверцев является грехом по отношению к Св. Духу. Соловьев считал целью своей религиозно-философской деятельности оправдание веры отцов на новой ступени разумного сознания, он стоял у истоков нового религиозного сознания начала XX в., выразившегося в богоискательстве и в религиозно-философских концепциях таких мыслителей, как Н.А. Бердяев, С.П. Булгаков, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.А. Флоренский, С.А. Франк и др. Соловьев твердо верил в то, что, несмотря на внешний разрыв между римско-католической и православной церквями, между ними существует неразрывное мистическое единство.

Если разобраться по существу, Соловьев не был в полном смысле ни славянофилом, ни западником, ни консерватором, ни либералом – он был самим собою. Сохранением своей яркой индивидуальности, своей «неумещаемостью» в прокрустово ложе классификаций Вл. Соловьев более всего обязан одной сильной черте своей натуры – высокой нравственности.

Список использованных источников

1. Зеньковский В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Академический проект; Раритет, 2001. – 880 с.
2. Трубецкой С.Н. Смерть Вл.С. Соловьева / С.Н. Трубецкой // Вл. Соловьев: pro et contra; Сост. В.Ф. Бойкова. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан, гуманитар. ун-та, 2000. – Т. 1. – 896 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО – Пресс; Харьков: Фолио, 2001. – 624 с.
4. Флоровский Г. Пути русского богословия / Георгий Флоровский. – Вильнюс: Вильтис, 1991. – 601 с.
5. Соловьев В.С. Несколько слов в защиту Петра Великого / В.С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 687 с.
6. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь / В.С. Соловьев // О христианском единстве. – М.: Рудомино, 1994. – 258 с.

7. Соловьев В.С. Письма / В.С. Соловьев. – СПб.: Время, 1923 г. – 244 с.
8. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос / В.С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 687 с.
9. Соловьев В.С. Магомет, Его жизнь и религиозное учение. Талмуд / В.С. Соловьев. – Алма-Ата: МП «Анубис», 1991. – 103 с.
10. Соловьев В.С. Три разговора / В.С. Соловьев // Избранное. – М.: Советская Россия, 1990. – 496 с.

У статті розглянуто творчу еволюцію відомого російського філософа та поета з українським корінням Володимира Сергійовича Соловйова. Автори доходять висновку, що Соловйов не був у повному розумінні ні славянофілом, ні західником, ні консерватором, ні лібералом – він був самим собою. Церковно-конфесійну розділеність Соловйов розцінював як підміну любові до Бога буквою догматичних навчань, вбачаючи в догматизмі сучасних йому православних «патріотів-фанатиків» корінь жорстокостей, несправедливості, релігійних гонінь. Збереженням своєї яскравої індивідуальності, своєю «неумещаемостью» в прокрустове ложе класифікацій Вл. Соловйов найбільше зобов'язаний одній сильній рисі своєї натури – високій моральності.

Ключові слова: російська релігійна філософія, російський символізм, філософська поезія, еволюція світогляду, консерватизм і модернізм, проблема національної самобутності, православ'я, католицтво.

The article is devoted to the creative evolution of the famous Russian philosopher with Ukrainian roots, Vladimir Sergeyevich Solovjov. The authors come to the conclusion that Soloviev was not in the full sense, nor sлавянофілом, or Westerner, neither conservative nor liberal – he was by himself. Church-confessional division of Solovjov regarded as a violation of the love of God letter dogmatic teachings, perceiving it as dogma contemporary Orthodox «patriots-fanatics» the root of cruelty, injustice, religious persecution Preservation of its bright individuality, his «неумещаемостью» into the Procrustean bed of classifications of Vl. Solovjov more to a strong trait in his character – high morals.

Key words: Russian religious philosophy, Russian symbolism, philosophical poetry, the evolution of the world, conservatism and modernism, the problem of national identity, Orthodoxy, Catholicism.

Одержано 14.05.2014.